

Белоногов Ю.Г. Привлечение к юридической ответственности работников номенклатуры местных городских партийных комитетов за опоздания и прогулы в ходе реализации указа президиума верховного совета СССР от 26 июня 1940 года в довоенный период (на материалах г. Молотова и Краснокамска) // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура. История. Философия. Право. – 2016. – № 4. – С. 45–65.

Belonogov Yu.G. Attraction to legal responsibility the nomenclature workers of the local city party committees for delay and truancies during implementation of the decree of the supreme council of the USSR's presidium (june 26, 1940) during the pre-war period (on Molotov and Krasnokamsk's materials). *Bulletin of Perm National Research Polytechnic University. Culture. History. Philosophy. Law.* 2016. No. 4. Pp. 45-65.

УДК 331.108.64

Ю.Г. Белоногов

ПРИВЛЕЧЕНИЕ К ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ РАБОТНИКОВ НОМЕНКЛАТУРЫ МЕСТНЫХ ГОРОДСКИХ ПАРТИЙНЫХ КОМИТЕТОВ ЗА ОПОЗДАНИЯ И ПРОГУЛЫ В ХОДЕ РЕАЛИЗАЦИИ УКАЗА ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР ОТ 26 ИЮНЯ 1940 ГОДА В ДОВОЕННЫЙ ПЕРИОД (НА МАТЕРИАЛАХ Г. МОЛОТОВА И КРАСНОКАМСКА)

Затрагивается многоаспектная проблема правоприменительной практики распространения на категорию номенклатурных работников местных партийных комитетов новаций трудового законодательства 1940 года. Введение уголовной ответственности за опоздания и прогулы по замыслу инициаторов ужесточения трудовой дисциплины должно было формально показать равенство перед законом рядовых работников и их руководителей и тем самым несколько снизить социальное недовольство населения от непопулярных мероприятий (об этом свидетельствует насаждаемая практика открытых судебных процессов над «высокопоставленными прогульщиками» и привлечение к строгой дисциплинарной ответственности по партийной линии). Анализ правоприменительной практики (судебной и партийной) привлечения номенклатурных работников к ответственности свидетельствует о характере политической кампании, в рамках которой можно выделить стадии пика (высокая планка наказания, большой охват привлеченных) и спада (пересмотр практики «перегибов»). На примерах отдельных персоналий изучаются модели поведения номенклатурных работников, обладавших определенным объемом номенклатурного иммунитета, для формального и неформального контрпротиводействия курсу по ужесточению трудовой дисциплины, ухода от ответственности и/или смягчения наказания. Эффективность данных практик на местном уровне зависела прежде всего от конкретного этапа реализации кампании и навязываемых центральными органами власти установок. В целом масштабы негативной экскорпорации по причине опозданий и прогулов были крайне невелики, что еще раз свидетельствует о постепенном превращении номенклатуры в правящую группу советского общества, обладающую и правовыми преференциями.

Ключевые слова: карательная политика, исправительно-трудовые работы, уголовная ответственность, номенклатура партийного комитета, внештатный инструктор, партийный аппарат, негативная экскорпорация, номенклатурный иммунитет.

© Белоногов Юрий Геннадьевич – кандидат политических наук, доцент кафедры государственного управления и истории, ФГБОУ ВО «Пермский национальный исследовательский политехнический университет», e-mail: ugb78@mail.ru.

Yu.G. Belonogov

**ATTRACTION TO LEGAL RESPONSIBILITY THE NOMENCLATURE
WORKERS OF THE LOCAL CITY PARTY COMMITTEES FOR DELAY
AND TRUANCIES DURING IMPLEMENTATION OF THE DECREE
OF THE SUPREME COUNCIL OF THE USSR'S PRESIDIUM
(JUNE 26, 1940) DURING THE PRE-WAR PERIOD
(ON MOLOTOV AND KRASNOKAMSK'S MATERIALS)**

In article the multidimensional issue of law-enforcement practice of distribution on category of appointees of local party committees of innovations of the labor law of 1940 is touched. Introduction of a criminal liability for delay and truancies, as envisioned by initiators of toughening of labor discipline, had to be formal to show equality before the law of ordinary workers and their heads and by that a little to lower social discontent of the population from unpopular actions (the spread practice of open lawsuits over "the high-ranking shirkers" and attraction to strict disciplinary responsibility on the party line testifies to it). The analysis of law-enforcement practice (judicial and party) involvement of appointees to responsibility confirms the nature of political campaign within which it is possible to allocate peak stages (a high level of punishment, big coverage of attracted) and recession (revision of practice of "excesses"). On examples of a separate personnel behavior models of the appointees who had a certain volume of nomenclature immunity for formal and informal counteraction to a course on toughening of labor discipline, leaving from responsibility and/or mitigation of punishment are studied. Efficiency of data the practician at the local level depended, first of all, on a concrete stage of realization of a campaign and the installations imposed by the central authorities. In general, scales of negative ex-corporation because of delay and truancies were extremely small that once again demonstrates gradual transformation of the nomenclature into the ruling group of the Soviet society possessing and legal preferences.

Keywords: retaliatory policy, corrective-labor works, criminal responsibility, nomenclature of party committee, non-staff instructor, party device, negative ex-corporation, nomenclature immunity.

Постановка проблемы. Проблематика данной статьи связана с изменением внутренненоменклатурных отношений вследствие реализации курса по уже стечению трудовой дисциплины. На наш взгляд, наибольший интерес представляет малоизученный сюжет правоприменительной практики нормативно-правовых актов конца 1930-х годов, предусматривающих уголовное наказание за нарушения трудовой дисциплины по отношению к представителям местных властных групп советского общества. Это позволит расширить представления об институте номенклатуры в системе властных отношений. В качестве проблемного поля исследования автор выделил следующие группы вопросов: насколько работников номенклатуры местных парткомов как привилегированной группы советских трудящихся затронуло изменение трудового законодательства? Каким образом номенклатурная система назначений способствовала или препятствовала привлечению номенклатурных работников к юридической ответственности? Как в правоприменительной практике соотносились изменившиеся нормы законодательства и статус (политический и правовой) номенклатурного работника, обладавшего определенной степенью свободы от внешнего (государственного) контроля?

С точки зрения проблематики статьи наибольший интерес представляют индустриальные центры с высокой концентрацией промышленности и

увеличивающимся контингентом работников, занятых в этом секторе экономики. Именно для повышения производительности труда рабочих на протяжении 1930-х годов внедрялись новации, ужесточавшие трудовое законодательство. Поскольку в процессе индустриализации промышленность становилась локомотивом экономического развития, наибольший удельный вес (в расчете на один партком) номенклатурных работников как представителей правящей группы советского общества концентрировался в партийных комитетах индустриальных центров.

Особо следует остановиться на количественном и должностном составе номенклатуры местных городских партийных комитетов. Первые списки номенклатурных работников городских райкомов Перми нами фиксируются на рубеже 1939–1940 годов. В силу отсутствия четких инструкций о том, кого следует включать в эту номенклатуру, а также несогласованности в вопросах распределения номенклатурных работников между номенклатурами регионального и местных парткомов численность представителей номенклатуры горрайкомов оказалась слишком большой. Она включала работников среднего и даже низового уровней предприятий (вплоть до мастеров и начальников смен). В целях повышения качества кадровой работы уже на протяжении 1940 года численность номенклатуры местных городских парткомов дважды пересматривалась по инициативе Пермского обкома и горкома ВКП(б) в сторону уменьшения (промежуточные показатели ее численности на начало реализации Указа от 26 июня 1940 года представлены в таблице). Данная тенденция значительного сокращения сохранится и в период войны (см. таблицу).

Изменение численности номенклатурных работников местных парткомов Молотова и Краснокамска за 1940–1944 гг.¹

Наименование парткома	Июль 1940 г., человек	Февраль 1944 г., человек	Сокращение, раз
Ленинский горрайком ВКП(б)	1164	322	3,6
Кагановический горрайком ВКП(б)	933	382	2,4
Сталинский горрайком ВКП(б)	881	341	2,6
Молотовский горрайком ВКП(б)	911	415	2,2
Орджоникидзевский горрайком ВКП(б)	614	338	1,8
Краснокамский горком ВКП(б)	777 (на 1.04.1940 г.)	490	1,6

¹ Составлено по: [1, оп. 22, д. 83, л. 11, д. 410, л. 17, 38, 63об., 123; д. 412, л. 2; 2, оп. 1, д. 178, л. 49; д. 442, л. 11].

Какие основные властные ресурсы могли быть задействованы местными партийными комитетами для воздействия на работников, входящих в их номенклатуру?

Первым ресурсом партийных комитетов следует считать статус органов политической администрации, предполагающий почти монопольное право интерпретировать «политику партии и государства» в рамках проводимых политических кампаний. В принимаемых постановлениях бюро партийных комитетов в порядке «рекомендаций в проведении политики партии», «указаний на ошибки», «оказания помощи» партийное руководство фактически обязывало руководителей хозяйственных, советских, государственных органов власти и секретарей нижестоящих парторганизаций выполнять сформулированные на вышестоящем уровне установки. Карательная политика органов юстиции (народных судов и прокуратуры) во многом была производна от эволюции партийных установок. Поэтому в качестве основополагающего источника для изучения данной темы выбрана информация именно партийных органов.

Вторым ресурсом неизбежно становилась номенклатурная система подбора, расстановки и ротации руководящих кадров. Она предусматривала согласие (пусть иногда и чисто формальное) бюро или отделов парткома при назначении и смещении работника с должности, которая входила в номенклатуру партийного комитета. И хотя местные партийные комитеты в изучаемый период еще не обладали монопольным правом назначения и смещения своих номенклатурных работников (особенно из числа тех, кто одновременно входил в номенклатуру вышестоящих парткомов и чье назначение санкционировал вышестоящий партком), тем не менее в конфликтах по поводу кадровых назначений они занимали активную позицию и могли ставить вопрос перед вышестоящим парткомом или ведомством о замене того или иного работника.

Третьим, ключевым, ресурсом являлась карательная политика, при которой бюро местного партийного комитета могло привлекать коммунистов (в том числе из числа руководящих работников) к разнообразным формам дисциплинарной партийной ответственности (вплоть до исключения из партии). Следует отметить, что в изучаемое время членство в ВКП(б) давало больше возможностей для продвижения вверх по карьерной лестнице. Поэтому привлечение к дисциплинарной партийной ответственности могло серьезно осложнить номенклатурному работнику дальнейший рост карьеры. Более того, при определенных обстоятельствах партийное взыскание являлось основанием для наложения дисциплинарных взысканий по месту работы и тем самым определяло дальнейшую нисходящую карьерную траекторию. В условиях реализации рассматриваемого Указа степень наказания «за недисциплинирован-

ность» можно рассматривать как некий подвижный регулятор, с помощью которого партийный комитет расставлял приоритеты в значимости тех или иных трудовых правонарушений. Хотя формально партийное взыскание парткома только следовало за состоявшимся судебным наказанием, тем не менее карательная политика органов юстиции во многом зависела и от установок партийных комитетов. Именно поэтому дисциплинарная партийная ответственность значительно дополняла дисциплинарную ответственность, предусмотренную советским трудовым правом. Между тем, как будет показано в работе, ни членство в партии, ни принадлежность к номенклатуре руководящих кадров местных партийных комитетов не являлись гарантией полной лояльности и подчинения директивам парткомов.

Для анализа практики привлечения к юридической ответственности местных номенклатурных работников автор задействовал прежде всего пласт делопроизводственных документов местных партийных комитетов г. Перми (в 1940–1957 годах – г. Молотов) как промышленного центра Западного Урала. К таковым относятся протоколы заседаний бюро местных парткомов (Молотовского горкома, а также Ленинского, Кагановичского и Орджоникидзевского городских райкомов партии), справочный материал (докладные записки и отчеты инструкторов парткомов, представителей органов правосудия и хозяйственных организаций) для подготовки вопросов, отчеты отделов кадров и политинформации парткомов перед вышестоящими инстанциями. Все это позволяет проследить эволюцию карательной политики в отношении номенклатурных работников местных парткомов, определить содержание ее этапов, выявить установки парткомов для «подведомственных» им органов юстиции.

Особый интерес представляют как личные дела «проштрафившихся» номенклатурных работников, так и недавно открывшиеся (после установленного законом 75 лет ограничений на выдачу) персональные и апелляционные дела таких работников. Эти категории документов позволяют оценить значимость понесенного наказания дальнейшей карьеры номенклатурного работника. Одновременно указанные разновидности делопроизводственных документов позволяют выявить формальные и неформальные механизмы сопротивления курсу по ужесточению трудовой дисциплины (оказание парткомом или высокопоставленным руководителем протекции определенному работнику на разных этапах разбирательства), факторы для смягчения или ужесточения наказания.

Эволюция правоприменительной практики реализации Указа в отношении номенклатурных работников. Исследователи подчеркивают взаимосвязь изменений карательной политики в сфере трудовых отношений с эволюцией социально-экономических задач. Борьба против нарушителей произ-

водственной дисциплины активизировалась на рубеже 1920–1930-х годов в условиях смены экономического курса развития советского народного хозяйства: потребности начавшейся индустриализации диктовали необходимость централизации и регламентации высшими партийными и государственными структурами всех вопросов из сферы трудовых отношений, в том числе и трудовой дисциплины [3, с. 54]. До 1940 года усилия по обеспечению трудовой дисциплины предпринимались преимущественно в русле трудового и административного права. При этом специалисты отмечают новую тенденцию: все большую роль в процессе управления огосударствленным народным хозяйством начинает играть именно уголовное право, особенно в сфере прямого государственного принуждения к труду и ужесточения наказаний за нарушение трудовой дисциплины [4, с. 198; 5, с. 24].

28 декабря 1938 года вышло совместное Постановление ЦК ВКП(б), СНК СССР и ВЦСПС «О мероприятиях по упорядочению трудовой дисциплины, улучшению практики государственного социального страхования и борьбе с злоупотреблениями в этом деле». Оно было направлено против «злостных» нарушителей производственной дисциплины, действия которых «разлагают дисциплину, наносят большой ущерб промышленности, транспорту и всему народному хозяйству» [6]. За опоздание на работу без уважительных причин, преждевременный уход на обед и приход с обеда с опозданием, преждевременный уход с предприятия, бездельничайные на рабочем месте работник должен был подвергаться взысканию (замечание или выговор, выговор с предупреждением об увольнении, перевод на ниже оплачиваемую работу на срок до трех месяцев, смещение на низшую должность). За три нарушения в течение одного месяца или четыре нарушения в течение двух месяцев он подлежал увольнению как прогульщик. В свою очередь, увольнение являлось основанием для обязательного освобождения таким работником занимаемой им ведомственной жилплощади. Особо подчеркивалась роль руководителя в выполнении положений данного нормативно-правового акта: за уклонение от проведения мер «по укреплению трудовой дисциплины и непринятие мер против прогульщиков, летунов и разгильдяев» руководители предприятий, учреждений, цехов и отделов должны были привлекаться вышестоящими органами к ответственности, вплоть до снятия с работы и предания суду.

Однако правоприменительная практика данного Постановления в отношении номенклатурных работников зависела от многих коньюктурных условий. Только в самом начале кампании местные парткомы первоначально держались высокой планки при наложении партвзысканий и оказывали политическое давление на нижестоящие первичные парторганизации, отменяя их решения. Однако по мере «выыхания» кампании тяжесть наказаний смягча-

лась². В условиях отсутствия чрезвычайного нажима вышестоящих партийных инстанций по обеспечению высокой планки в карательной политике местные парткомы могли более либерально подходить к налагаемым взысканиям. Так, только за повторное нарушение трудовой и партийной дисциплины максимальное наказание предусматривало строгий выговор с предупреждением и занесением в партдокументы, а с учетом смягчающих обстоятельств (обещание исправиться, хорошая общественная и производственная работа, отсутствие нарушений, большой производственный стаж на данном предприятии) вообще можно было отделаться лишь одним «указанием» [примеры см.: 7, оп. 1, д. 58, л. 35–36, 49, 86, д. 59, л. 82; д. 60, л. 78; д. 61, л. 31]. Одновременно фиксируются случаи, когда работники местного партийного аппарата за трудовые правонарушения вообще избегают установленных законом взысканий по административной линии, а привлекаются только к партийной ответственности [примеры см.: 2, оп. 1, д. 165, л. 11–12; д. 166, л. 283].

Таким образом, результаты реализации Постановления от 28 декабря 1938 года вряд ли могли устроить высшее руководство страны. В условиях начавшейся Второй мировой войны с участием СССР остро был необходим новый подход к нарушениям трудовой дисциплины для ограничения незапланированного движения рабочей силы. По мнению П. Соломона, введение уголовной ответственности за нарушения трудовой дисциплины по Указу от 26 июня 1940 года являлось частью программы по подготовке страны к войне, когда из-за воинских призывов уже значительно сократился контингент рабочей силы, а угроза войны делала в глазах руководства страны любое падение выпуска промышленной продукции недопустимым. Исследователи ссылаются

² Свидетельством эволюции отношений местного партийного руководства к контролю за реализацией Постановления от 28 декабря 1938 г. являются протоколы заседаний бюро Кагановичского горрайкома ВКП(б). Так, на 19 января 1939 г. рассматривалось решение партсобрания завода им. Дзержинского от 15 января 1939 г. о партвзыскании мастеру И.Н. Иргегову: за часовое опоздание на работу 13.1.1939 г. решением общего партсобрания ему поставлено на вид. Однако бюро горрайкома установило, что при обсуждении вопроса об опоздании на собрании «были проявлены нездоровые настроения, свидетельствующие о том, что ряд коммунистов не поняли передовой роли членов партии в выполнении постановления ЦК, СНК и ВЦСПС». Секретарю парторганизации завода Комарову было поручено заново поставить вопрос о Иргегове на общем партсобрании завода. Первый секретарь ГРК Кривушин обязывался не позднее 21 января 1939 г. провести совещание секретарей парткомов, парторгов по данному постановлению и заслушать на следующем заседании бюро РК сообщения ряда парторганизаций. Решением парторганизации завода им. Дзержинского от 28 февраля Иргегову за нарушение трудовой дисциплины был объявлен уже выговор с предупреждением. Однако решение первичной парторганизации в конце зимы было пересмотрено: с учетом осознания Иргеговым своей ошибки и исправлением бюро горрайкома объявило ему выговор без занесения в личное дело [разбор персонального дела коммуниста И.Н. Иргегова см.: 7, оп. 1, д. 38, л. 18, 117; д. 39, л. 58, 153–154].

на мемуары наркома вооружений Б.Л. Ванникова, который описывает факт обращения зимой 1940 года ряда наркомов к И.В. Сталину с жалобой на нехватку рабочих рук и недисциплинированность работников [8, с. 293, 296; 9, с. 88].

Одновременно правоприменительная практика сопротивления реализации Постановления 1938 года подсказывала логический вектор последующего развития трудового законодательства: нарушители трудовой дисциплины должны были в любом случае оставаться в распоряжении своего предприятия или учреждения.

Ответом на данный вызов стал принятый 26 июня 1940 года Указ Президиума Верховного Совета СССР «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» [10]. Данный нормативно-правовой акт вводил важную новацию: за опоздание и самовольный уход с работы отныне следует уголовное наказание в виде исправительно-трудовых работ по месту работы (максимальный срок – до 6 месяцев) и вычету до 25 % от зарплаты. При этом было отменено ранее обязательное увольнение за прогул. Руководители предприятий и учреждений за уклонение от предания суду виновных лиц должны были привлекаться к судебной ответственности.

Согласно исследованию П.Соломона, в довоенный период практическая реализация Указа от 26 июня 1940 года проходила в три этапа. Первый этап (первый месяц после обнародования) был отмечен проведением будничной политической кампании. Ее неудовлетворительные результаты вследствие глухого сопротивления «на местах» заставил высшее советское руководство пойти на чрезвычайные меры. Повестка Пленума ЦК ВКП(б), проходившего 29–31 июля 1940 года, была изменена за счет внесения вопроса о контроле за ходом выполнения данного Указа. Второй этап (август – сентябрь 1940 года) характеризуется пиком кампании, по силе создавшегося напряжения напоминавшей «охоту на ведьм». Объектами преследования стали не только нарушители Указа, но и их «укрыватели». После двух месяцев усиленных действий против нарушителей и «укрывателей» кампания вошла в третью стадию своей реализации, когда власти начали бороться с так называемыми «перегибами» и, не испытывая серьезного давления свыше, стали придерживаться ритма первого этапа [8, с. 296, 299]. Местные архивные материалы позволяют подтвердить правильность предложенной П.Соломоном периодизации.

На первом этапе результаты борьбы с нарушениями трудовой дисциплины среди номенклатурных работников были крайне ничтожны. Первая причина связана с административным нажимом, который мог оказывать руководитель на своих подчиненных. Так, фиксировались случаи, когда руководители ряда предприятий и учреждений под угрозой увольнения давали устные приказы-инструкции рядовым табельщикам, как именно нужно или не нужно осуществлять учет прихода на работу (и ухода с нее) в отношении избранных

работников этой организации (заместителей директора, начальников отделов, бухгалтеров). В результате имевшиеся случаи опоздания, прихода на работу в состоянии опьянения просто не фиксировались как малозначимые нарушения. Подчас и прогулы оформлялись «задним числом» как командировка, бюллетень, отдых в счет отработанных сверхурочно часов. Становилось очевидным, что нужна некая внешняя сила, которая в состоянии осуществлять контроль за трудовой дисциплиной руководящих работников.

О сопротивлении реализации Указа может свидетельствовать и развитие ведомственного законодательства, которое выводило определенные категории номенклатурных работников из-под юрисдикции гражданских органов юстиции и даже местных парткомов. Так, на заседании бюро Орджоникидзевского горрайкома Перми 26 июля 1940 года был исключен из партии и снят с работы секретарь парторганизации 6-го отделения Рабоче-Крестьянской милиции (и одновременно начальник военного столба) М.М. Глонин за прогул 10 июля 1940 года. Администрацией он был уволен и отдан под суд. Однако на следующем заседании бюро 31 июля 1940 года решения первичной парторганизации и бюро горрайкома были отменены. Оказалось, что на Глонина как представителя начальствующего состава НКВД по внутренним ведомственным приказам за опоздание на работу можно было наложить только административное взыскание. На основании ведомственного приказа Ревтрибунала войск НКВД СССР 27 июля 1940 года М.М. Глонин был оправдан. Членство в партии он сохранил, по партийной линии «за нарушение государственной дисциплины» ему был объявлен лишь выговор без занесения в личное дело [11, оп. 1, д. 70, л. 174, 185].

Для второго этапа было характерно издание подзаконных актов Наркомата юстиции СССР, Прокуратуры СССР и Верховного суда СССР по двум основным направлениям. В рамках первого направления подзаконные акты, с одной стороны, расширяли перечень уголовно преследуемых трудовых правонарушений. Отныне таковыми стали квалифицироваться не только прогулы, покровительство прогульщикам, самовольное оставление работы, но и опоздания, отказы от сверхурочных работ, бездельничанье и сон во время работы. Согласно совместному приказу наркома юстиции СССР и Прокурора СССР от 22 июля 1940 года срок опоздания на работу определялся в 20 минут, поэтому и на опоздания также распространялось действие Указа от 26 июня 1940 года [12, с. 126, 129]. С другой стороны, существенно ужесточались наказания за нарушения трудовой дисциплины. Пленум Верховного суда СССР от 23 июля 1940 года предложил рассматривать совершение нового прогула лицом, отбывающим исправительно-трудовые работы за прежний прогул, как уклонение от отбывания наказания, и в этом случае необъятый срок исправительно-трудовых работ должен был заменяться по приговору суда тюремным заключением на тот же срок [5, с. 28].

На данном этапе реализации Указа власть для некоторого повышения легитимности новаций в трудовом законодательстве сознательно стремилась к тому, чтобы и номенклатурные работники разделили общую судьбу рядовых трудящихся. Это предполагало значительное сужение существовавшего номенклатурного иммунитета, который, по мнению В.П. Мохова, предполагал наличие у такого работника права на ограниченность внешнего контроля при негативных санкциях, что приводило к появлению властных преференций и тем самым ставило такого работника в более привилегированное положение [13, с. 44–45]. Местные партийные комитеты не без давления сверху начинают намного более активно использовать механизм исключения из партии в отношении работников своей номенклатуры в качестве самой суровой дисциплинарной ответственности за сон на рабочем месте³, опоздание на несколько часов при возвращении из отпуска, преждевременный уход с работы⁴. Даже статус внештатного инструктора местного парткома не спасал от строгого партийного взыскания Начальник ремонтно-механического цеха фабрики «Гознак» Н.Ю. Скумбин, утвержденный осенью 1938 года в качестве внештатного инструктора отдела парткадров Краснокамского горкома ВКП(б), за опоздание на работу 29 июня 1940 года на 33 минуты был приговорен судом к 6 месяцам принудительных работ с удержанием из зарплаты 15 %. При рассмотрении его персонального дела выяснилось, что «эти нарушения по партийной линии до сих пор не обсуждены, виновных в нарушении Указа к партийной ответственности не привлекли, хуже того, дирекция фабрики осужденному Скумбину предоставила очредной отпуск» (с точки зрения партийных чиновников, Скумбин не имел право

³ В сентябре 1940 года Орджоникидзевский горрайком ВКП(б) исключил из партии заместителя директора Камской нефтебазы В.Н. Колесникова как уже осужденного по Указу от 26 июня 1940 года. Максимальную планку наказания (6 месяцев исправительно-трудовых работ и вычет из зарплаты 25%) он получил за то, что сразу же после командировки он пришел вовремя на работу, но уснул на 2,5 часа. Примечательно, бюро горрайкома предложило секретарю парторганизации обсудить поступок Колесникова и других нарушителей трудовой дисциплины на рабочих собраниях и «создать вокруг них общественное мнение как дезорганизаторов производства» [11, оп. 1, д. 71, л. 35].

⁴ 8 августа 1940 года на бюро Кагановичского горрайкома ВКП(б) рассматривалось решение партсобрания фабрики «Красный Урал» о наложении взыскания на председателя фабрично-заводского комитета предприятия И.К. Долгих за прогул. Выяснилось, что 27 июля 1940 года вышел на работу вместо 8 утра на час позже и, проработав 2 часа, ушел под предлогом на похороны. Свой прогул пытался скрыть с помощью поддельных документов (оформил акт сдачи имущества комитета задним числом). Решение партсобрания было отменено, а самого И.К. Долгих за нарушение Указа от 26.6.1940 г. «как неоправдавшего доверия партии, вставшего на антипартийный путь (подделка документов)» из рядов партии исключили. Одновременно был исключен из партии начальник отдела приема и увольнения фабрики за покровительство И.К.Долгих (написал задним числом в трудовой книжке об увольнении «по ликвидации должности» до даты прогула) [разбор персонального дела И.К. Долгих см.: 7, оп. 1, д. 61, л. 68–69].

на отпуск не только как осужденный, но и как проработавший всего 6 месяцев вместо 11). С учетом отягчающих обстоятельств («Скумбин как начальник цеха не возглавил борьбу за выполнение Указа от 26.6.1940 г.; “Краткий курс” не изучает, партийных поручений не выполняет») он был исключен из партии как нарушитель партийной и государственной дисциплины. Партийное взыскание стало основанием для отстранения от должности: с началом войны Н.Ю.Скумбин упомянут в списке стахановцев военного времени уже как слесарь на фабрике «Гознак» [2, оп. 1, д. 182, л. 231, 236; д. 236, л. 72 об.].

В то же самое время отмечаются случаи, когда того или иного номенклатурного работника берут под защиту из вышестоящего парткома, что позволяло снизить тяжесть наказания. Интерес представляет исключение из партии председателя линейного комитета союза нефтеперерабатывающей промышленности П.Ф. Димитрюкова за совершенный 30 июля 1940 года прогул. Решение общего партсобрания парторганизации Камской нефте базы от 4 сентября 1940 года было утверждено на бюро Орджоникидзевского горрайкома ВКП(б) единогласно. Однако 23 сентября 1940 года на уровне Молотовского горкома ВКП(б) ему был объявлен строгий выговор с предупреждением. В октябре 1941 года данный выговор был снят, человек при этом работал начальником спецотдела Камской нефте базы и по совместительству – председателем того же линкома. В решении по апелляционному делу было указано, что П.Ф. Димитрюков «исправил вину, партийные поручения выполняет, подобных фактов с его стороны не допускается» [11, оп. 1, д. 71, л. 18–19; д. 86, л. 17–19].

В значительно меньших масштабах прошла «чистка» руководящих работников, которые входили в номенклатуру регионального парткома. В силу более высокого номенклатурного статуса и значительно более сложных процедур согласований при снятии с должности одни лишь опоздания и прогулы не могли являться основанием для негативной экспкорпорации. Так, согласно отчетному докладу о работе Орджоникидзевского горрайкома ВКП(б) за 1940 год, одной из очень немногих «жертв» стала прокурор района Лукичева. Еще 20–21 августа 1940 года состоялся актив Краснокамского района, причем принятые на нем постановления требовало «довести до сведения областного прокурора Алексеева, что райпрокурор Лукичева сама является прогульщиком, актив требует немедленного снятия с работы Лукичевой и отдачи под суд». Однако снятие с работы Лукичевой и последующее исключение из партии (уже в 1941 году) произошло только после неоднократных жалоб областному прокурору. В отчете Краснокамского горкома ВКП(б) за 1940 год формулировка обвинения включала в себя следующее: «После выхода Указа … к прокурору Лукичевой стали поступать дела на прогульщиков, она растерялась, дела на прогульщиков манировала у себя, не вела учета их поступления. Бюро райкома заслушало прокурора Лукичеву, вскрыло ряд безобразий и от работы освободило» [11, оп. 1, д. 69, л. 59; д. 83, л. 12; 2, оп. 1, д. 167, л. 72].

Необходимо отметить, что тяжесть наказания зависела даже не от даты совершения правонарушения, а от даты разбирательства дела по существу в народном суде и персонального дела коммуниста в местном парткоме. Получалось, что при рассмотрении трудового правонарушения, совершенного на первом этапе реализации Указа, «обратным порядком» применялись установки, появившиеся уже на втором этапе. Так, На заседании бюро Кагановичского горрайкома ВКП(б) 16 августа 1940 года было пересмотрено решение первичной парторганизации 2-го отделения службы движения относительно заместителя начальника данного отделения И.М.Имполитова (в 1942 году он будет числиться как внештатный инструктор Молотовского горкома ВКП(б) – Ю.Б.). Из объяснения Имполитова выяснилось, что 4 июля он работал в течение 22 часов, отдохнул 4 часа и на следующий день проработал еще 18 часов. В 23-00 5 июля он ушел домой и выпил 300 грамм водки, на следующий день выехал на Кислотный не с поездом, который отходит в 4-30 утра (на работу он должен был явиться к 7 утра), а следующим поездом в 10-00. После совершенного 6 июля проступка (опоздание на несколько часов) он продолжал работать шесть дней, при этом никаких обвинений ему не было предъявлено. 9 июля на партсобрании первичной парторганизации ему объявлен выговор с занесением в личное дело за нарушение партийной и государственной дисциплины. Решением народного суда в том же месяце он был осужден на 2 месяца принудработ с вычетом 10 % из зарплаты, а также смещен на более низкую должность. Однако из-за оплошности секретаря узлового парткома решение общего партсобрания дошло до горрайкома ВКП(б) только 14 августа. Соответственно, решение партсобрания было отменено: «Своими действиями как командир производства и коммунист … дискредитировал партию и совершил антипартийный проступок… За нарушение партийной и трудовой дисциплины на почве пьянки из членов партии исключить» [7, оп. 1, д. 61, л. 83–84].

Третий этап реализации Указа от 26 июня 1940 года связан с преодолением «перегибов» второго этапа и обеспечением повседневного исполнения данного закона. Оказалось, что чрезвычайные административные методы, порождавшие широкое распространение и систематичность «перегибов», не имели серьезной социальной базы поддержки и поэтому нуждались в постоянных и усиливающихся внешних импульсах со стороны центральных властей. Долговременное использование таких методов не было целесообразным ни с социальной, ни с экономической точки зрения.

По каким направлениям происходил пересмотр прежних установок?

Во-первых, в публичных выступлениях руководителей местных партийных организаций на совещаниях и активах нехотя признавалось, что прогулы как вид правонарушения «невозможно ликвидировать, а можно только уменьшить» [2, оп. 1, д. 172, л. 29]. На практике данная задача могла решаться и за счет того, что на мелкие трудовые нарушения просто перестали обращать внимание и их не регистрировали.

Во-вторых, несколько изменяется тяжесть налагаемых партийных взысканий, чему способствовала прописанная в действовавшем Уставе ВКП(б) процедура привлечения к партийной ответственности и рассмотрения апелляций. С октября 1940 года отмечается пока еще слабая, но постепенно все более заметная тенденция отмены и переквалификации решений нижестоящих (начиная с первичных) парторганизаций об исключении нарушителей трудовой дисциплины из партии (самая крайняя мера партийной ответственности). Во внимание начинают приниматься «смягчающие» обстоятельства, что позволяет на уровне горрайкомов ВКП(б) накладывать значительно менее строгие партийные взыскания [7, оп. 1, д. 63, л. 61, 130–131] и даже поручать членам бюро райкома ВКП(б) ... «разъяснить на партсобрании парторганизации о несерьезном подходе к решению вопроса об исключении из партии коммунистов» [примеры см.: 7, оп. 1, д. 63, л. 19, 22, 138; 2, оп. 1, д. 221, л. 61–62, 84, 85; д. 222, л. 3, 54]. Под таким воздействием и сами первичные парторганизации чаще стали применять менее суровые наказания – строгий выговор с предупреждением, строгий выговор с занесением в партдокументы, которые также могли пересматриваться на уровне бюро горрайкома в сторону снижения взыскания.

В случае оправдательных приговоров коммунистов восстанавливают в партии. Интерес представляет персональное дело секретаря парторганизации Судоремонтного завода в Заозерье С.Д. Мясникова. За опоздание на работу после месячного отпуска на 6 часов был осужден линейным судом Водного транспорта на 4 месяца ИТР по месту работы с удержанием 25 % от зарплаты. Решением общего партсобрания парторганизации от 5 сентября 1940 года было предложено вывести его из состава бюро, снять с должности секретаря, дать строгий выговор с предупреждением. 21 сентября первичная парторганизация Судоремонтного завода вторично поставила вопрос о Мясникове и предложила из членов партии исключить. На заседании бюро Орджоникидзевского горрайкома ВКП(б) от 24 сентября 1940 года С.Д. Мясников за нарушение партийной и государственной дисциплины из партии был исключен. Однако уже на третьем этапе, 20 ноября 1940 года, Пермский горком партии отменил решение нижестоящего горрайкома и в качестве взыскания объявил выговор без занесения в учетную карточку. По протесту Прокурора СССР Пленум Верховного Суда СССР от 20 марта 1941 года приговор линейного суда Камско-Вятского бассейна от 19 августа и определение Водно-Транспортной коллегии Верховного суда СССР от 6 сентября 1940 года по делу С.Д. Мясникова отменил, и дело о нем производством было прекращено. На основании судебной реабилитации бюро Орджоникидзевского горрайкома ВКП(б) 23 апреля 1941 года поставило вопрос о снятии данного выговора (хотя положенный для такого взыскания срок в год еще не вышел). На момент снятия выговора С.Д. Мясников занимал должность начальника протеражной конторы Наркомречфлота при Камском речном пароходстве [11, оп. 1, д. 71, л. 46-47; д. 84, л. 182–183].

Не менее серьезным показателем изменившегося курса стала партийная реабилитация номенклатурных работников, получивших взыскания по партийной линии на втором этапе реализации Указа. 15 июля 1940 года председатель постройкома завода № 90 П.В. Белавин якобы с санкции секретаря партбюро завода не вышел на работу под видом решения вопроса о прописке по новому месту жительства, а на самом деле окучивал картошку и осуществлял ремонт дома, чем грубо нарушил Указ от 26 июня 1940 года. Партийно-организационный вопрос о невыходе на работу не разбирало до вмешательства Орджоникидзевского горрайкома ВКП(б). Только 14 сентября 1940 года первичная парторганизация рассмотрела вопрос о П.В. Белавине, но решение вынесла «политически неправильное» (только «предупредить»). Бюро горрайкома от 1 октября 1940 года объявило строгий выговор с предупреждением и занесением в личное дело. Одновременно был поставлен вопрос на пленуме о пребывании его в качестве члена пленума. Однако уже в мае 1941 года с П.В. Белавина, уже занимавшего должность заведующего отделом снабжения завода № 90, данный выговор был снят с учетом его «практической работы и участия в общественной жизни» [11, оп. 1, д. 71, л. 58–59; д. 85, л. 14–15].

По имеющимся в распоряжении автора статьи неполным материалам единичных парткомов, масштабы негативной экскорпорации номенклатурных работников по причинам привлечения к юридической ответственности были достаточно невелики. Так, по номенклатуре Кагановичского горрайкома ВКП(б) за 1940 год сменилось 50 номенклатурных работников, из которых 17 сняты как не справившиеся с работой (в том числе и в рамках кампаний по борьбе с «покровителями прогульщиков») и 10 – за нарушения партийной и трудовой дисциплины (из них только 6 за прогулы, причем лишены должностей в период с июля по октябрь) [7, оп. 1, д. 72, л. 34, 39].

Модели поведения номенклатурных работников при привлечении к юридической ответственности за опоздания и прогулы: персональный аспект реализации Указа. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 года руководители предприятий и учреждений привлекались к судебной ответственности, как правило, за «укрывательство» прогульщиков (несвоевременная передача дела в суд, взятие под защиту преследуемых работников, привлечение только к дисциплинарной ответственности и т.д.). По нашему мнению, представляет больший интерес анализ практики привлечения к ответственности высокопоставленных работников именно за опоздания и прогулы, что несколько уравнивало их с рядовыми работниками. Поэтому автору показалось любопытным проследить биографические данные ряда номенклатурных работников с целью определения значимости привлечения к юридической ответственности в их карьере.

В качестве примера автор взял дела двух номенклатурных работников, не сталкивавшихся друг с другом и находившихся на разных этапах карьерной траектории, но привлеченных к ответственности на втором этапе реализации изучаемого Указа за опоздания и прогулы. Данные дела раскрывают не только более сложный механизм привлечения к ответственности, но и задействованные формальные и неформальные практики внутренненоменклатурного взаимодействия для смягчения или, наоборот, ужесточения наказания для данной категории работников.

Первую стратегию поведения номенклатурного работника при привлечении к уголовной ответственности продемонстрировала Вера Михайловна Черных – 34-летний секретарь первичной парторганизации облсуда и одновременно начальник отдела кадров в Управлении Наркомата юстиции РСФСР по Молотовской области. На момент вступления в партию в 1928 году В.М. Черных была комсомольским работником с низшим общим и средним партийно-политическим образованием (успела закончить совпартшколу первой и второй ступени). Именно партийно-политическое образование и период «Большого террора» позволили сделать ей в 1930-е годы быструю карьеру: женсектор Пермского горсовета, инструктор агитмассового отдела Пермского горкома ВКП(б), секретарь партколлектива Пермских электростанций, женсектор-инструктор в Верещагинском райкоме ВКП(б), парторг цеха на заводе им. Дзержинского, инструктор по промышленности Сталинского горрайкома ВКП(б), инструктор отдела пропаганды и агитации Пермского горкома. С февраля 1938 года по апрель 1939 года работала в должности второго секретаря Кагановичского горрайкома ВКП(б), была освобождена по семейным обстоятельствам. С апреля 1939 года работала практикантом в Пермском облсуде, с сентября 1939 года стала начальником отдела кадров в Управлении НКЮ РСФСР по Молотовской области, а с февраля 1940 года избрана (по совместительству) секретарем партбюро Молотовского облсуда (с апреля 1940 года секретарь парторганизации Управления НКЮ). Следует отметить, что с 1936 по 1940 год она являлась членом пленума Кагановичского, Сталинского, Ленинского райкомов и Пермского горкома ВКП(б), была депутатом Сталинского районного Совета рабочих и крестьянских депутатов. На момент привлечения к ответственности была членом Пленума горкома и Ленинского горрайкома одновременно. [14, оп. 5, д. 5516, л. 1, 4].

За систематическое нарушение Указа от 26 июня 1940 года (в течение июля – августа у нее зафиксировано 7 случаев опозданий от 4 до 16 минут) она, занимая входящую в утверждаемую номенклатуру Молотовского горкома партии должность, была привлечена к уголовной ответственности как «нарушитель трудовой и государственной дисциплины» в виде 6 месяцев исправи-

тельных работ по месту работы с вычетом из зарплаты 25 %. Неудивительно, что на данном этапе реализации Указа бюро Ленинского горрайкома ВКП(б) утвердило решение первичной парторганизации и исключило В.М.Черных из партии [14, оп. 6, д. 393, л. 58-59]. Однако она (бывший второй секретарь Кагановичского горрайкома ВКП(б)) подавала апелляции, и после прохождения пика кампании вышестоящие партийные органы получили возможность смягчить партийное взыскание: Молотовский обком ВКП(б) в ноябре 1940 года пересмотрел решения нижестоящих парткомов (т.е. Ленинского горрайкома и Молотовского горкома партии) и объявил ей строгий выговор за нарушение трудовой дисциплины. Однако уже 10 июня 1941 года бюро Ленинского горрайкома ВКП(б) вновь рассматривало в отношении В.М.Черных схожее дело: 13 мая 1941 года она опоздала на работу на 50 минут, объясняя опоздание тем, что подвели часы. За нарушение трудовой дисциплины ей было объявлено аналогичное взыскание (строгий выговор с предупреждением с занесением в личное дело), которое было снято на заседании бюро того же парткома 17 марта 1942 года [14, оп. 6, д. 27, л. 90; д. 34, л. 144–145]. Соблюдение правил игры позволило В.М.Черных сохранить номенклатурный статус: с марта 1942 по июнь 1943 году она являлась заместителем начальника Управления НКЮ РСФСР по Молотовской области по кадрам, а потом – вплоть до выхода на пенсию в марте 1958 года – замещала должность инструктора ряда отделов в Молотовском горкоме партии [14, оп. 5, д. 5516, л. 1]. При заполнении автобиографических данных с периода войны всегда отмечала: «К судебной ответственности не привлекалась. Партизанский не имею» [1, оп. 73, д. 861, л. 5,6].

⁵ Необходимо отметить, что хотя В.М.Черных к судебной ответственности до 1940 года не привлекалась, тем не менее на прежнем месте работы были проблемы с трудовой дисциплиной. На заседании бюро Кагановичского горрайкома ВКП(б) от 9 марта 1939 года обсуждался вопрос о пребывании ее в должности второго секретаря этого парткома. Главное обвинение сводилось к хроническим опозданиям на работу («когда первый секретарь Кривушин был в отпуске, то Черных являлась на работу в 12 и 1 час дня»), что отражалось на результатах партийной работы («не дорошла до того, чтобы стать секретарем райкома»). Аргументы о постоянно больном ребенке и психически нездоровой матери, а также отсутствии у райкома служебной машины и неаккуратной работе единственного в Перми общественного транспорта (трамвая) в качестве причин опозданий во внимание не были приняты. Единогласным решением бюро парткома был поставлен вопрос перед горкомом и обкомом ВКП(б) об освобождении В.М.Черных от должности второго секретаря горрайкома с формулировкой «как не справившаяся с работой». На пленуме Кагановичского горрайкома ВКП(б) от 14 марта 1939 года, на котором уже формально решался вопрос об ее освобождении и выводе из состава членов бюро горрайкома и членов пленума, в президиум пленума были поданы следующие вопросы: «Были ли замечания за Черных до постановления ЦК, СНК и ВЦСПС от 28.12.1938 г.? Много ли раз имели место опоздания т. Черных после выхода в свет постановления от 28.12.1938 г.?» [15, оп. 243, д. 2721, л. 14-17; 7, оп. 1, д. 37, л. 6].

Если В.М. Черных, привлеченная к уголовной ответственности, действовала в русле становившихся правил и поэтому сохранила номенклатурный статус, то другой, намного более высокопоставленный номенклатурный работник попытался продемонстрировать иной вариант решения той же проблемы, и поэтому был наказан более сурово.

46-летний Арон Матвеевич Креймер к лету 1940 года уже три года возглавлял Молотовский фарминститут. Согласно материалам для утверждения пропагандистом по руководству кружком по истории партии по новому краткому курсу в парторганизации фарминститута и автобиографии, А.М. Креймер, 1894 г.р., начал работать аптекарским учеником с 16 лет. В 1915 году окончил экстерном медицинский университет Новороссийска. Во время Гражданской войны добровольно вступил в ряды РККА из аптеки 1096 госпиталя был отозван политотделом 24 «железной» дивизии на политработу. В 1919 году вступил в партию и до 1924 года занимал должность инспектора-инструктора Политотдела войск ГПУ СССР. Последующая гражданская карьера А.М. Креймера была связана с фармакологией: в 1926–1928 годах он является директором отделения Укрмедторга, в 1928–1929 годах – фармиспектором Окрздрава, в 1929–1931 годах – директором химико-фармацевтического института (все в Одессе), а в 1931–1932 годах возглавлял НИИ в Харькове. После обучения в 1932–1936 годах в Украинской промакадемии им. Сталина (окончил коксо-химический факультет по специальности инженер-технолог) получил назначение в Пермь, занимая с 10 мая 1937 года должность директора фарминститута [14, оп. 1, д. 34, л. 167а–170].

3 июля 1940 года (после выпускного вечера) он опоздал на работу на три часа. Согласно объяснению А.М. Креймера на заседании суда, 2 июля был выпускной вечер, на котором он выпил полстакана вина и стопку пива, а домой ушел в пять утра. В ходе разбирательств выяснилось, что «на вечере была повальная пьянка, некоторые из работников института до того перепились, что ночевали тут же на кафедрах». Утром следующего дня за директором был послан кучер с лошадью на квартиру, но он никак не мог достучаться и уехал обратно. Об опоздании директора сообщили прокуратуре сами студенты, которые явились в ВУЗ за документами [16].

С самого начала дело в отношении А.М. Креймера, чья должность входила в номенклатуру ЦК ВКП(б), не имело серьезных перспектив: недавно назначенный прокурор Ленинского района Г.Ф. Палкин в рамках расследования установил факт прогула, но прогульщика к ответственности не привлек (согласно неофициальной версии, вызванный в прокуратуру Креймер запугал прокурора тем, что он утвержден ЦК, и поэтому его не могут привлечь к уголовной ответственности). Делу был дан ход только после июльского Пленума ЦК ВКП(б), когда к нему был подключен областной прокурор Алексеев, который дал прямое указание привлечь к уголовной ответственности Креймера.

ра на основании того, что Указ от 26 июня 1940 года «распространяется абсолютно на всех». 8 августа 1940 года на открытом заседании народного суда Ленинского района г. Молотова директор фарминститута был приговорен к 6 месяцам исправительно-трудовых работ с вычетом 25 % из зарплаты по месту работы [1, оп. 22, д. 91, л. 33]. Это нашло отражение на страницах прессы, которая в рамках проводимой кампании помещала материалы (фельетоны, сводки, информации), освещавшие ход борьбы с нарушителями (в том числе и высокопоставленными) трудовой дисциплины и их покровителями. 9 августа 1940 года в газете «Звезда» выходит заметка-репортаж из зала суда под названием «Высокопоставленные прогульщики», на основании чего в тот же день решением первичной парторганизации фарминститута А.М. Креймеру было вынесено минимальное (в условиях развернувшейся кампании) взыскание – выговор с занесением в личное дело. На свою беду директор фарминститута предпринял контрмеры: сохранилось его письмо (от 10 августа 1940 года) заместителю редактора газеты «Звезда», секретарю Молотовского обкома ВКП(б) Н.И. Гусарову, секретарю Молотовского горкома А.А. Никитину и секретарю Ленинского горрайкома ВКП(б) С.З. Золину, в котором пострадавший пытался дать свое видение ситуации: «В заметке от 9 августа 1940 г. допущено искажение содержания моего разговора с районным прокурором. Категорически отрицаю факт подобного рода разговора и протестую против помещения подобного разговора либо по вине районного прокурора, либо по вольности пера корреспондента «Зезды» и прошу дать опровержение. Фактически я сказал, что мне представляется, что следовало бы об этом факте сообщить наркому или ЦК ВКП(б) для привлечения к судебной ответственности, если они признают этот прогул неуважительным» [1, оп. 22, д. 92, л. 243]. Попытка использовать ресурс статусной должности номенклатуры ЦК ВКП(б) и решить проблему кулуарно не удалась в условиях развернувшейся кампании: своим решением бюро Ленинского горрайкома ВКП(б) отменило «либеральное» постановление первичной парторганизации: за нарушение государственной дисциплины, злоупотребление своим служебным положением, слабую подготовку к новому учебному году А.М.Креймеру был дан строгий выговор с занесением в личное дело и одновременно перед Пермским горкомом ВКП(б) был поставлен вопрос о снятии того с работы «как осужденного и прогульщика» [14, оп. 6, д. 392, л. 194–195].

Однако и на этом дело не закончилось: после решения бюро райкома А.М. Креймер (видимо, ради сохранения должности – Ю.Б.) обратился в районную прокуратуру с просьбой смягчить меру наказания, мотивируя тем, что он не исключен из рядов ВКП(б). Последствия данного поступка на том этапе реализации Указа были вполне предсказуемы: на заседание бюро Ленинского горрайпарккома от 27 августа 1940 года прежнее решение было отменено «как

не соответствующее решению июльского Пленума ЦК ВКП(б)», А.М. Креймер «как нарушитель партийной, государственной дисциплины» из членов ВКП(б) был исключен [14, оп. 6, д. 393, л. 7]. Чуть позже он потерял должность и выехал за пределы области⁶.

Таким образом, реализация Указа от 26 июня 1940 года отчасти затронула и руководящих работников. В сталинской модели массовой политической кампании привлечение такой категории работников к уголовной ответственности формально показывало реализацию принципа равенства всех перед законом и имело, видимо, ярко выраженную политическую и популистскую направленность. Для представителей номенклатуры реализация данного Указа стала своего рода испытанием на лояльность власти и изменившемуся трудовому законодательству. Используя ресурсы партийных комитетов (прежде всего через механизм привлечения к партийной ответственности), власть регулировала модель поведения представителей номенклатуры как уже достаточно привилегированной части советского общества.

Список литературы

1. Пермский государственный архив новейшей истории (ПермГАНИ). Фонд Пермского городского комитета КПСС. – Ф. 1.
2. ПермГАНИ. Фонд Краснокамского городского комитета КПСС. – Ф. 1290.
3. Прокофьева Е.Ю. Правовые меры по укреплению трудовой дисциплины в государственной промышленности центрального Черноземья в 1920-е годы: региональный аспект // Вестн. Челяб. гос. ун-та. – 2009. – №41. – С. 50–55.
4. Гордеев И.А. История становления и развития советского трудового права (1917–1941 гг.): дис. ... канд. ист. наук. – Курск, 2002. – 232 с.
5. Киселев И.Я. Трудовое право в тоталитарном обществе (из истории права XX века) / отв. ред. Е.В. Клинова; Ин-т науч. инф. по общ. наукам РАН. Отд-ние правоведения. – М., 2003. – 84 с.
6. О мероприятиях по упорядочению трудовой дисциплины, улучшению практики государственного социального страхования и борьбе со злоупотреблениями в этом деле [Электронный ресурс]: Постановление СНК СССР, ЦК ВКП(б), ВЦСПС от 28.12.1938 г. – URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=4429> (дата обращения: 1.03.2016).
7. ПермГАНИ. Фонд Кагановичского районного комитета КПСС г. Перми. – Ф. 106.

⁶ У автора нет информации о том, было ли утверждено решение горрайпаркома на уровне Молотовского горкома и обкома ВКП(б), подавал ли (и насколько успешно) апелляции А.М. Креймер, каков дальнейший вектор его карьерной траектории.

8. Соломон П. Советская юстиция при Сталине. – 2-е изд. – М.: РОС-ПЭН, 2008. – 464 с.
9. Хлевнюк О.В. 26 июня 1940 г.: иллюзии и реальности администрирования // Коммунист. – 1989. – № 9. – С. 86–96.
10. О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений [Электронный ресурс]: Указ Президиума ВС СССР от 26.06.1940 г. – URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=3573> (дата обращения: 1.03.2016).
11. ПермГАНИ. Фонд Орджоникидзевского районного комитета КПСС. – Ф. 100.
12. Кодинцев А.Я. Осуществление правовой политики советского государства органами юстиции при проведении кампании по реализации Указа ПВС СССР от 26 июня 1940 года // Право и политика. – 2007. – № 10. – С. 126–131.
13. Мохов В.П. Номенклатурный иммунитет // Вестник Вост. экон.-юрид. гум. акад. – 2013. – № 1. – С. 44–49.
14. ПермГАНИ. Фонд Ленинского районного комитета КПСС г. Перми. – Ф. 78.
15. ПермГАНИ. Фонд Пермского областного комитета КПСС. – Ф. 105.
16. «Высокопоставленные» прогульщики (хроника из зала суда) // Звезда. – 1940. – 9 августа (№ 183). – С. 4.

References

1. Permskii gosudarstvennyi arkhiv noveishei istorii (PermGANI). Fond Permskogo gorodskogo komiteta KPSS. F. 1 [Perm state archive of contemporary history (PermGANI). Fund of the Perm city party committee of the city of Perm. F. 1].
2. PermGANI. Fond Krasnokamskogo gorodskogo komiteta KPSS. F. 1290. [PermGANI. Fund Krasnokamsky City Party Committee. F. 1290].
3. Prokof'eva E.Iu. Pravovye mery po ukrepleniiu trudovoi distsipliny v gosudarstvennoi promyshlennosti tsentral'nogo Chernozem'ia v 1920-e gody: regional'nyi aspekt [Legal measures to strengthen labor discipline in the public sector in the Central Black Soil Region 1920: a regional perspective]. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2009, no. 4, pp. 50–55.
4. Gordeev I.A. Istorija stanovlenija i razvitiija sovetskogo trudovogo prava (1917–1941) [History of formation and development of Soviet labor law (1917-1941 years)]. Ph. D. thesis. Kursk, 2002. 232 p.
5. Kiselev I.Ia. Trudovoe pravo v totalitarnom obshchestve (iz istorii prava XIX veka) [Labor law in a totalitarian society (from the history of the twentieth century, right)]. Ed. E.V. Klinova. Moscow: Institut nauchnoi informatsii po obshchestvennym naukam Rossiiskoi akademii nauk, 2003. 84 p.

6. O meropriatiakh po uporiadocheniiu trudovoi distsipliny, uluchsheniiu praktiki gosudarstvennogo sotsial'nogo strakhovaniia i bor'be so zloupotrebleniiami v etom dele [On measures to streamline the work discipline, improve the practice of public social security and the fight against abuse in this case]. *Postanovlenie 28.12.1938 goda*, available at: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=4429>.

7. PermGANI. Fond Kaganovicheskogo raionnogo komiteta KPSS g. Permi. F. 106. [PermGANI. Fund Kaganovicheskogo CPSU regional committee Perm. F. 106].

8. Solomon P. Sovetskaia iustitsiia pri Staline [Soviet justice under Stalin]. Moscow: ROSPEN, 2008. 464 p.

9. Khlevniuk O.V. 26 iiunia 1940 g.: illiuзii i real'nosti administrirovaniia [June 26, 1940: the illusion and reality of administration]. *Kommunist*, 1989, no. 9, pp. 86–96.

10. O perekhode na vos'michasovoi rabochii den', na semidnevniuiu rabochuiu nedeliu i o zapreshchenii samovol'nogo ukhoda rabochikh i sluzhashchikh s predpriatiem i uchrezhdeniem [On the transition to the eight-hour day, seven-day work week and the prohibition of unauthorized departure of workers and employees from enterprises and institutions]. *Ukaz ot 26.06.1940 goda*, available at: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=3573>

11. PermGANI. Fond Ordzhonikidzevskogo raionnogo komiteta KPSS. F. 100. [PermGANI. Fund Ordzhonikidze district committee of the CPSU. F. 100].

12. Kodintsev A.Ia. Osushchestvlenie pravovoi politiki sovetskogo gosudarstva organami iustitsii pri provedenii kampanii po realizatsii Ukaza PVS SSSR ot 26 iiunia 1940 goda [Implementation of the legal policy of the Soviet state by the justice government bodies while implementing the Decree of the PSC of the USSR of June 26, 1940]. *Pravo i politika*. 2007, no. 10, pp. 126–131.

13. Mokhov V.P. Nomenklaturalnyi immunitet [Immunity of the Nomenklatura], *Vestnik Vostochnoi ekonomiko-iuridicheskoi gumanitarnoi akademii*, 2013, no 1, pp. 44–49.

14. PermGANI. Fond Leninskogo raionnogo komiteta KPSS g. Permi. F. 78. [PermGANI. Fund of the Leninsky District Committee of the Communist Party of Perm. F. 78].

15. PermGANI. Fond Permskogo oblastnogo komiteta KPSS. F. 105. [PermGANI. Fund of the Perm Regional Party Committee. F. 105].

16. «Vysokopostavленные» prokul'shchiki (khronika iz zala suda) ["Senior" shirkers (Chronicle of the courtroom)]. *Zvezda*. 1940, 9 avgust, no. 183, p. 4.

Получено 25.09.2016